

— Господин... давайте убьём его... он чуть не задушил меня, — эти слова, вырвавшиеся из уст Эрляна, ещё больше потрясли Фан Шу.

Эрлян понимал, что Фан Шу оказался в сложной ситуации.

— Найдите момент, чтобы нанести удар наверняка! Моя жизнь не важна, но я не могу подвести господина!

Эта упрямая жажда убийства лишила Фан Шу обычного хладнокровия.

— Что за время сейчас?! Эти вокоу ещё не дали о себе знать, это просто безумие!!

Эрлян опустил голову от крика Фан Шу.

— Господин... вы же всегда говорили, что нужно быть уверенным на сто процентов...

Голос Эрляна дрожал, и Фан Шу осознал, что, возможно, задел его.

— Сначала посмотрим на ситуацию. Если действовать опрометчиво, это вызовет ещё больше подозрений!

— Господин... мы так много потеряли... нельзя всё испортить из-за него...

— Ладно! Я знаю! У меня есть план!

Тяжёлые мысли словно приковали ноги Фан Шу свинцом. Вернувшись на своё место, он увидел, что Хо Тайлин уже вернулся. Он сидел сгорбившись, неподвижно, и женщина рядом с ним несколько раз трясла его, но он не реагировал. Он что-то бормотал, но голос был слишком тихим, как жужжание комара. Фан Шу наклонился, чтобы послушать, и услышал только одно повторяющееся слово: «Наложница».

В душе Фан Шу и без того был хаос, а теперь его охватила боль в животе.

Староста подошёл и сказал:

— Этот господин, похоже, пьян... Может, отведём его в боковой двор моего дома отдохнуть?

Эрлян сел между Е Цзинчжоу и Фан Шу, молча глядя на горящий костёр.

Е Цзинчжоу был слишком занят, отбиваясь от назойливых приставаний женщины рядом, и не заметил Эрляна.

Фан Шу кивнул и приготовился поднять Хо Тайлина. Женщина рядом с ним явно расстроилась, словно кошка, упустившая мышь.

Хо Тайлин оттолкнул его, требуя ещё вина. Цзян Миньчжэн налил ему чашу так называемого укрепляющего вина, но Фан Шу выхватил её. Запах крови, исходивший от вина, был настолько сильным, что Фан Шу сморщился.

Он оттолкнул вино обратно и, несмотря на сопротивление Хо Тайлина, силой повёл его в дом старосты.

Перед уходом, глядя на опьяневших воинов, он сказал Е Цзинчжоу:

— Пусть они больше не пьют!

Затем, взглянув на мрачного Эрляна, Фан Шу вспомнил его слова и начал беспокоиться, что тот может наделать глупостей.

Цзян Миньчжэн всегда был очень дружелюбен с Фан Шу. Молодой человек предложил помочь ему поддержать Хо Тайлина, но тот отказался, предпочитая опираться на Фан Шу. Цзян Миньчжэн пошёл впереди, прокладывая путь, и время от времени оглядывался на них.

Переходя через двор, Фан Шу осознал, что дом старосты действительно был большим. Днём он видел только передний двор, а теперь обнаружил, что за ним был ещё один трёхсторонний двор.

Цзян Миньчжэн указал на крайнюю левую комнату:

— Это... моя комната... если господин не против... можете лечь со мной. Этот господин может спать в той комнате, она немного маленькая, но... обычно её никто не использует...

Он заикался от волнения.

Фан Шу ещё не успел отказаться, как Хо Тайлин, висящий на нём, сжал его ещё сильнее, чуть не лишив дыхания.

— Благодарю за вашу доброту, но мне нужно позаботиться о брате.

Его первой мыслью было, что Эрлян или вокоу могут напасть.

Цзян Миньчжэн был разочарован, но также немного обрадован:

— О, это ваш брат, хе-хе, я принесу вам постельные принадлежности.

Прожив несколько месяцев в палатках, наконец можно было отдохнуть в деревянном доме. Только что уложив Хо Тайлина, Фан Шу устало опустился на пол. Здесь люди не спали на кроватях, а просто расстилали постель на полу, что было гораздо мягче, чем холодные доски в лагере.

Глядя на дрожащие ресницы Хо Тайлина, Фан Шу вспомнил слова Эрляна. Если он действительно увидел, это могло стоить головы.

Убить его? Фан Шу раз за разом задавал себе этот вопрос, сжимая меч Фэнгуан у пояса. Если убить его сейчас, можно сказать, что это сделали вокоу, и всё сойдёт с рук.

Хо Тайлин продолжал бормотать:

— Наложница... наложница... хороший брат...

Фан Шу воспользовался моментом и дал ему лёгкую пощёчину, не слишком сильно, но достаточно звонко:

— Перестань нести чушь!

А вдруг он ничего не видел? Он же был пьян в стельку, и даже если видел, наверняка забыл. Все его слова были бредом, и к тому же он был спасителем, внёсшим большой вклад в борьбу с вокоу...

Будем решать по мере поступления... Эх, когда я стал таким нерешительным?

Фан Шу снял меч Фэнгуан и положил его у изголовья, лёг рядом с Хо Тайлином, как вдруг на его талию легла чья-то рука.

Фан Шу толкнул его локтем:

— Эй, парень, ты в сознании?

Ответа не последовало, и он оставил руку на месте.

Фан Шу был действительно уставшим после долгого дня, но он не мог позволить себе уснуть. Вокоу, как дикие звери, могли напасть в любой момент.

Он полежал немного, собираясь взять меч и выйти на патрулирование, как вдруг почувствовал странный аромат. Его сердце сжалось, но тело стало слабым, и он не мог даже пошевелить губами, только глаза оставались подвижными.

Дверь скрипнула, и кто-то вошёл. На лбу Фан Шу выступили вены, но он не мог пошевелить даже пальцем.

— Миньчжэн, ну ты даёшь, в деревне столько женщин, а ты выбрал мужчину. Хотя этот господин действительно красив...

— Брат... только не говори отцу...

Фан Шу широко раскрыл глаза, глядя на две тени рядом.

С него сдернули одеяло.

— Ты говорил, что они братья... братья спят, обнявшись? Как мерзко!

Цзян Миньчжэн, услышав это, схватил топор и замахнулся на Хо Тайлина.

Цзян Миньчжун остановил его:

— Ты с ума сошёл?! Чёрт! Он всё равно скоро умрёт, это же первоклассный материал для жертвоприношения!

Цзян Миньчжэн неохотно опустил топор.

— Ты, паршивец! Я вижу, ты не просто хотел позабавиться с этим господином, ты, похоже, влюбился с первого взгляда!!

Цзян Миньчжэн молчал.

— Я предупреждаю тебя, если ты хочешь оставить его себе, я сразу скажу отцу!

— Брат... это ты тогда рассказал отцу про мой альбом весенних картин «Янфэн»... Думаешь, я не знаю?

— Мне и не нужно было рассказывать! Когда женщины перестали на тебя действовать, отец сам всё понял!

— И тогда... ты просто воспользовался ситуацией, чтобы заслужить его благосклонность?!

— Обычно ты и слова не вымолвишь, а сегодня языком чешешь! Паршивец!

Раздался звонкий звук пощёчины, и Цзян Миньчжун ударил Цзян Миньчжэна.

— И не думай, что я тебе помогу, я сейчас же пойду к отцу! Этот господин тоже поднимется на жертвенный алтарь!!

Едва он сделал два шага, как раздался глухой удар, и Цзян Миньчжун упал, сражённый ударом по голове.

— Думаешь, я не знаю? Ты всё равно расскажешь!! Ты просто боишься потерять место старосты!

Фан Шу, слушая, как братья ругаются и дерутся, был в шоке. Но прежде чем он успел прийти в себя, Цзян Миньчжэн уже взвалил его на плечи и унёс в ночь.

Фан Шу, трясясь на плечах Цзян Миньчжэна, почти не ел в этот день, только выпил немного вина, и теперь желудочный сок готов был вырваться наружу.

Цзян Миньчжэн не только не отнёс Фан Шу в свою комнату, но и вышел за пределы своего двора. Боясь, что его заметят, он шёл по глухим тропам, покинув деревню и поднявшись на холм. Фан Шу, видя, как ситуация ухудшается, не мог пошевелиться.

Они вошли в лес, всё дальше удаляясь от деревни.

Ночью в лесу тоже висел белый туман, что немного помогало видеть, но становилось всё холоднее.

Цзян Миньчжэн почувствовал, что тело на его плечах дёрнулось, и, сняв его, понёс на руках.

В лесу стояла глинобитная хижина, чёрная и зловещая в белом тумане. Она была небольшой, с соломенной крышей. В центре главной комнаты стояла глиняная статуя человека, сложившего руки в буддийском жесте. Она была сгорбленной, худой, с непропорционально большой головой, похожей на обтянутый кожей скелет или на умирающего, застывшего в глине. Она смотрела на вход, словно испытывая ненависть ко всем, кто входил.

Перед ней стоял алтарь с пустыми тарелками, а под ним лежала груда костей. Рядом стоял деревянный каркас в форме человека, обмотанный толстыми верёвками. На полу лежали различные ножи, большие и маленькие, явно ухоженные, без следов ржавчины.

Когда они вошли внутрь, их встретил запах гнили, от которого Фан Шу чуть не вырвало.

Цзян Миньчжэн опустил его на пол и, трижды ударившись лбом о землю перед статуей, начал бормотать что-то непонятное.

Лоб Цзян Миньчжэна кровоточил, и он смотрел на Фан Шу с нежностью. Он посадил его за спину статуи, прислонив к ней.

<http://bllate.org/book/15514/1378231>